

Ольга Валентеева

РОМАШКА ДЛЯ ВЕДЬМЫ

АЙ-ТЕРЕ. БРАКОВАННЫЙ ПОДАРОК

АЙ-ТЕРЕ. СПЯЩАЯ СИЛА

АЙ-ТЕРЕ. ПРАВО НА СВОБОДУ

ВРАТА ПУСТОТЫ. ЗОВ ПУСТОТЫ

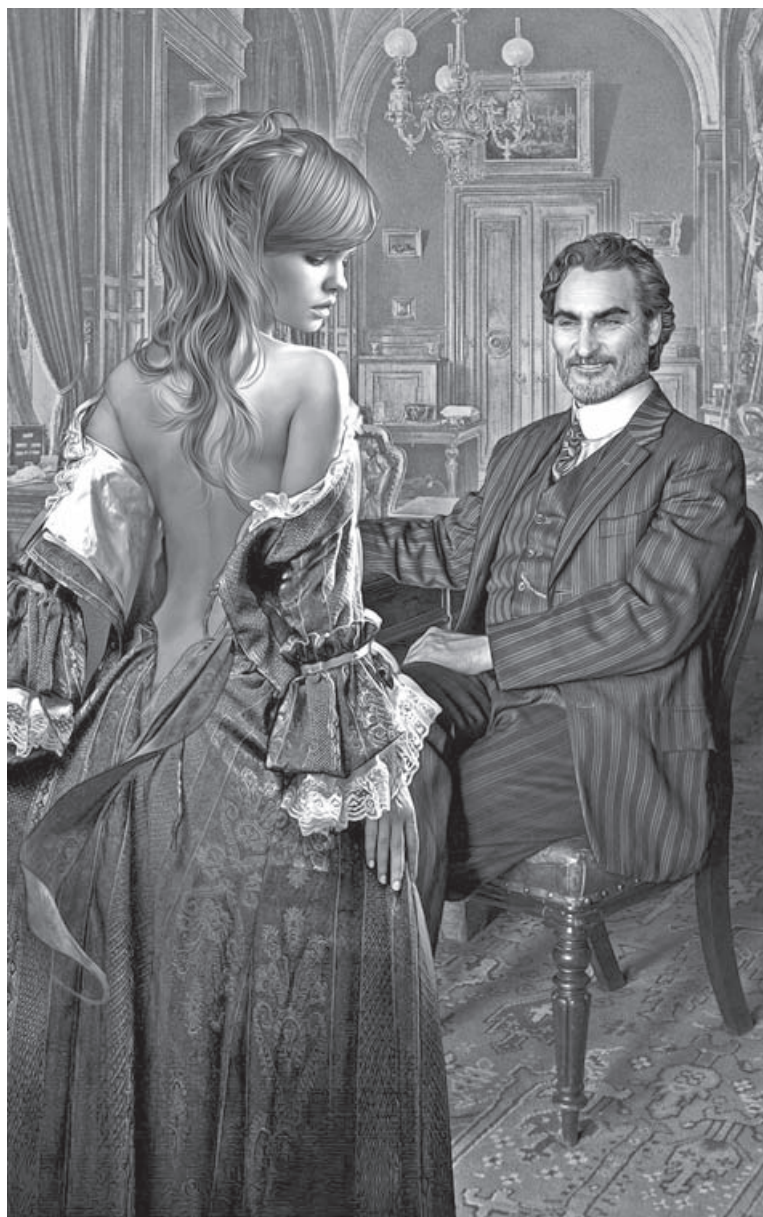
Цикл

«Изельгард и Литония»

МОЙ ПЛЕННИК, МОЯ ЖИЗНЬ

КОРОЛЕВА ХОДИТ ПОСЛЕДНЕЙ

ПРОКЛЯТИЕ ЛИЛИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Шажок, еще шажок. Темно, хоть глаз выколи. Но я продолжала уверенно пробираться между кроватей к огоньку у входной двери. Мечтала, чтобы половицы не так скрипели, но они, как назло, пели от каждого шага. Скрип-скрип. Скрип-скрип.

— Полли, ты куда? — над одной из кроватей поднялась белокурая головка. Конечно, в кромешном мраке я не видела цвет волос собеседницы, но знала, что волосы Катарины именно светлые.

— Сейчас вернусь, спи.

Кати, видимо, решила, что я иду в уборную, потому что затихла, а я продолжила путь. Скрип-скрип. Выглянула в коридор, огляделась по сторонам. Никого! Наверное, наставницы надеялись на наше послушание и коротали вечер не у комнат студенток, которым в полночь положено было спать, а за игрой в карты. Играли они лучше мужчин, готова поклясться! Я даже немного завидовала их таланту. Тем более что сейчас страсть степенных колдуний к карточным играм была мне на руку. Я незамеченной проскользнула мимо двери наставниц и выбралась на улицу. Лето уже вступило в свои права, но вечера все еще были прохладными. Жаль, что при себе не было накидки, а тоненькое платьице ветер продувал насквозь. Но это все пустое! Я лавировала по дорожкам, стараясь не попасть ногой в какое-нибудь защитное заклинание, пока не добралась до забора. Когда впереди показалась решетка, увитая виноградом, я тихонько свистнула. Виноград тут же затрещал под чужим весом, и рядом прыгнул мужчина, закутанный в темный плащ.

— Ты все-таки пришла, — шепнул он, привлекая меня к себе.

— Конечно. Еле выбралась, одна из воспитанниц провинилась, и наставницы весь вечер учили нас жизни, — тихонько засмеялась я, прижимаясь к любимому. Он укутал меня своим плащом, чтобы не мерзла, и коснулся поцелуем волос. — Ты долго ждешь, Анри?

— Около часа. Но я верил, что ты придешь.

Я вглядывалась в любимое лицо. В полумраке сада его было плохо видно, но я и так знала каждую черточку. Зеленые глаза, прямой нос, четко очерченный рот. Мне не надо было видеть, чтобы знать. Губ коснулись губы, и я потерялась для всего мира, растворилась в ощущениях.

— Как же я хочу наконец-то быть с тобой, — шептала любимому.

— Потерпи. До выпускного всего неделя.

— И целый месяц — до нашей свадьбы. Так долго, Анри!

— Мы ждали дольше, Полли.

Да, гораздо дольше. Целых два года. Мы познакомились, когда за окном падал снег, а наставницы готовили нас к первому выходу в свет. Для репетиций танцев они пригласили студентов выпускного курса военного училища. Среди них был и Анри. Сейчас он уже не студент, а гвардеец личной стражи магистра Таймуса, одного из трех правителей Гарандии. Вот только по закону он не мог стать моим супругом, пока я не завершу обучение в магическом коллеже. И хоть перед светом мы давно были женихом и невестой, встречаться приходилось украдкой, чтобы не узнали наставницы. Иначе они сообщили бы моей матушке, а она — женщина крайне строгих нравов. И мне точно бы не поздоровилось. Поэтому мы таились и прятались, но час свободы был близок.

— Потерпи. — Анри целовал мои губы, щеки, глаза. — Скоро нас никто не разлучит, клянусь.

— Я знаю, знаю. Но все равно так тяжело.

Колокол на городской башне пробил полночь. Я нехотя выбралась из объятий любимого.

— Тебе пора, — сказала с грустью. — Иначе будут неприятности. Да и меня как бы не хватились.

— Я не хочу уходить.

— Я тоже не хочу, Анри. Но ты сам сказал — надо потерпеть. Поэтому иди.

— Люблю тебя.

— Люблю.

Еще один поцелуй — и Анри ловко забрался на стену, а я осторожно прокралась к зданию общежития. Уже почти миновала главное препятствие — комнату наставниц, когда дверь со скрипом отворилась.

— Мадемуазель Лерьер? — раздался грозный голос наставницы Жаннетт. — Где вы были?

— Я выходила в сад, наставница, — ответила, опустив глаза. — В комнатах так душно, у меня разболелась голова, и захотелось подышать воздухом.

— Вам следовало спросить у меня позволения.

— Я думала, вы уже отдыхаете.

— Вам. Следовало, — отчеканила Жаннетт.

— Прошу меня простить, — присела в реверансе.

— То, что вы без пяти минут выпускница, ни капли вас не извиняет, — качнула головой моя мучительница. — Завтра вам запрещено выходить из комнаты, только в столовую и уборную. И выучите главу пятнадцатую истории Гарандии. Наизусть.

— Будет сделано, наставница.

— Ступайте. И подумайте о своем поведении. Вы бесчестите имя своей матушки.

Я поторопилась вернуться в комнату, легла и закрыла глаза. Ничего дурного я не сделала! Анри — мой жених и скоро станет мужем. То, что нам запрещено видеться вне светских приемов, несправедливо! Но спорить с Жаннетт я бы не стала под страхом казни. Наставница была лучшей колдуньей Гарандии и когда-то занимала должность личного советника магистра света.

Ничего, осталась неделя. И я закрыла глаза, абсолютно счастливая, еще не зная, что это был последний день моего счастья.

Утро выдалось таким солнечным, что хотелось петь и танцевать. Другие воспитанницы отправились на дополнительные курсы — музыка, танцы, поэзия, — а я осталась сидеть у окна и любоваться на солнце сквозь стекло с увесистой книгой в руках. Книга была нудной. Нет, сама история родной страны меня всегда интересовала, но в учебнике она была изложена настолько сухим языком, что хотелось вышвырнуть книжку в окно. Глава пятнадцатая и вовсе рассказывала о том, что в Гарандии знает каждый ребенок. Это становление магического

триумвирата. Когда-то в Гарандии была монархия, но постепенно с развитием магии она изжила себя, и после революции, которая состоялась пятьдесят лет назад, власть в стране разделили три магистра — магистры света, тьмы и пустоты. Если со светлым и темным было все понятно, то магистр пустоты призван был обеспечивать нейтралитет между двумя другими, потому что в пустоте ни света, ни тьмы нет. О магистрах я и так все знала наизусть — они менялись не столь часто, всего лишь раза три за эти полвека. Самым старым был магистр света Таймус, у которого служил Анри. Ему перевалило за шестьдесят. Магистру тьмы было под тридцать, а лица магистра пустоты и вовсе никто не видел.

Я старательно повторила все имеющиеся сведения и уже после обеда ответила урок наставнице Жаннетт. Уф! Хотя бы можно будет прогуляться с девчонками перед ужином, раз строгая наставница сменила гнев на милость. Подруг по коллежу у меня было не так много — та самая Катарина, которая стала невольной свидетельницей моей ночной прогулки, светлая магичка Дилора и ведунья Алисия. Сдружились мы еще на первом курсе и старались держаться вместе. Я отыскала их и потащила на улицу. Мы разместились в небольшой беседке, увитой розами, и говорили обо всем на свете. Но даже ближайшим подругам я не говорила о том, что ночью тайно встречалась с Анри. Девушки — народ болтливый, а это может плохо закончиться не только для меня, но и для него.

— Наконец-то завтра привезут наши выпускные платья! — щебетала Дилора. — Я уже жду не дождусь. И Раймон обещал быть на балу. Я так хочу его увидеть!

Раймоном звали одного из дыхателей Дилоры. Мы с девочками не считали, что между ними происходит что-то серьезное — сердце Дилоры было переменчиво, как весенний ветер. Но тем не менее слаженно кивали. А я представляла, как Анри увидит меня в новеньком бальном платье персикового цвета, украшенном бутонами роз. Стоило оно целое состояние, но матушка расщедрилась, чтобы ее дочь блистала на фоне других выпускниц и никто в столице не сказал, что баронесса Кристина Лерьер экономит на своей дочери.

— А я до сих пор сомневаюсь, — трещала Катарина. — Может, надо было остановиться на голубом, а не на зеленом? Буду как лягушка!

Мы принялись убеждать Катарину, что зеленый цвет ей к лицу. Обычная девичья болтовня, в которой так мало серьезного и которая забывается, стоит разойтись по разным углам. Я кивала и смеялась, но мысли были далеко... И все-таки замечательно, что выпускной уже через неделю. Стены коллежа казались тесными, как никогда, а разлука с Анри — нестерпимой!

— Ой, что-то тучи набежали, — первой подняла голову Алисия.

И правда, мы не заметили, как чистое небо вдруг стало серым, грозовым. Не к добру...

— Что-то маги упустили, — хмыкнула Дилора.

— Или студенты-погодники в своей башне опять начудили, — пожала плечами Катарина.

— Может, вернемся в общежитие? — предложила я.

— Ты что, Полли! Грозы боишься?

И подружки дружно захихикали. Нет, я не боялась грозы, но хотелось как можно скорее очутиться за надежными стенами, сесть у окна и слушать раскаты грома, радуясь, что меня-то гроза обошла стороной. Поэтому я поднялась с облюбованной скамейки и медленно пошла к общежитию. Девчонки, хоть и смеялись, но тут же меня догнали. Намокнуть не хотелось никому.

Мы уже почти дошли до порога общежития, когда все-таки грянул гром и на землю упали первые тяжелые капли. Вот только сразу за громом послышался глухой удар колокола.

— Что это? — замерла Дилора.

— Где? — спросила Катарина.

В шум дождя вмешался еще один глухой удар — бом. И сердце ухнуло в пятки. Колокола никогда не звонили просто так. И еще раз — бом.

— Это траурный звон, — прошептала Алисия, и улыбка мигом покинула ее лицо, как и краски. Она сделалась белой как полотно. — Какой из трех колоколов звонит?

— Солнечный, — тихо проговорила Дилора. — Это точно солнечный. Неужели светлейший магистр скончался?

Бом... Я подумала об Анри, который сейчас находится где-то рядом с этим перезвоном, ведь сегодня — его смена в карауле великого Таймуса Светлого. Что же случилось?

— Девочки, немедленно внутрь! — появилась в дверях общежития Жаннетт, и даже ее лицо, всегда будто вырезанное из мрамора, казалось испуганным.

— Что произошло? — жалобно спросила ее Алисия.

— Вы же слышите — солнечный звонит. Ждем официальных известий.

Мы переглянулись и поспешили в свои комнаты. Тяжелее всего — ждать. А общежитие уже гудело, как огромный улей. Гудело тихо и зловеще. Тут и там перешептывались, сбивались в стайки, переходили от одной стайки к другой. И все никак не могли понять, почему солнечный колокол, венчавший светлую башню, звонил в неурочный час. Прошло около пятнадцати минут, когда перелив колокольчиков позвал всех воспитанниц в большой зал. Значит, наставницы что-то узнали и готовы сообщить нам. Почему-то стало жутко. Я старалась держаться поближе к подругам. Мы выстроились в четыре ровных ряда — по количеству курсов — и приготовились выслушать новости, какими бы они ни были. А перед нами замер весь педагогический состав во главе с верховной колдуньей — мадам Симоной.

— Воспитанницы и выпускницы, — заговорила она, и уже по голосу стало понятно, что дела плохи, — только что мы получили ужасное известие из мэрии. Великий магистр света Таймус был убит в своей башне.

Убит? Я ожидала, что маг мог скончаться от болезни или магического истощения, но — убит? По рядам полетел шепоток, но мадам Симона глянула на нас так, что все закрыли рты.

— Нет причин для паники, — продолжила она. — Убийца задержан и будет наказан по всей строгости закона. Имя его пока не разглашается до выяснения обстоятельств совершенного преступления. Нас же призвали улучшить дисциплину, поэтому до выпускного бала отлучки в город запрещены. Под запретом свидания с родными и письма. Прогулки разрешены только на территории коллежа в сопровождении наставниц. Потерпите, скоро выпускной бал, и уже через неделю вы увидите своих близких. А пока что уделите время учебе и самопознанию, ибо никто не знает, что теперь ждет Гарандию.

Мадам Симона ушла, а мы так и стояли, будто кто-то опустил тяжелый покров. Я не могла поверить в то, что услышала. Отказывалась понимать. Да, магистры умирали — все люди

смертны, но у кого же поднялась рука? Почему? Тем более магистр Таймус был очень открытым человеком, иногда приезжал к нам в коллеж, подбадривал, выделял стипендии и гранты. И вот он погиб...

Я вернулась в общую комнату и села на диван, закрыла лицо руками. Как там Анри? Все ли с ним в порядке? Пострадал ли кто-либо, кроме магистра? Мне никто не мог дать ответ. Но в ту минуту я даже не подозревала, каким этот ответ окажется.

ГЛАВА 2

Наш коллеж гудел словно улей. Я, как и все, не находила себе места. Ночью никак не могла уснуть. А когда все же задремала, приснился Анри. Во сне он уходил от меня, а я все бежала, бежала — и никак не могла его догнать. От этого было больно настолько, что утром подушка оказалась мокрой от слез. Я проснулась поздно. Голова гудела, будто не спала, а танцевала на балу или зубрила уроки. В столовую пришла позже всех — и не смогла проглотить и ложки супа. Только выпила сладкий компот из сухофруктов.

Неделю не видеть Анри и умирать от неизвестности... Я сидела у окна в библиотеке и листала трактат по светлой магии. Выписывала в блокнот то, что казалось интересным, и так хоть немного отвлекалась от скверных мыслей. Но они все равно были сильнее и забирались в голову, не спрашивая разрешения. Что теперь будет? Когда смогут избрать нового магистра? Обычно, когда силы магистра начинали слабеть, он готовил преемника, но ведь Таймуса убили, и неизвестно, назвал ли он имя наследника силы. Все это пугало, но больше всего — неизвестность.

— Полли! Полли, вот ты где, — вбежала в библиотеку растрепанная Катарина. — Там тебя ищет мадам Симона! Быстрее.

Да, к директору лучше поторопиться, поэтому я вернула книгу библиотекарю и, подхватив юбки, помчалась за подругой. Мадам Симона не любила ждать. А еще она не любила, когда ее воспитанницы появлялись на пороге растрепанными и взмысленными, поэтому наградила меня тяжелым недовольным взглядом. Вот только в кабинете мадам была не одна. За

ее спиной стояли двое мужчин. Один помоложе, наверное, од-ногодка Анри, второй — старше, лет тридцати пяти. Его лицо казалось высеченным из камня, и он смотрел на меня так жут-ко, что почему-то затряслись руки.

— Вот она, герцог Дареаль, — сурово сказала мадам Симо-на. — Полина Лерьер, выпускница этого года.

Герцог Дареаль? Главный дознаватель магистрата? У меня душа ушла в пятки, и ладони вспотели. Зачем он здесь и что ему от меня нужно?

— Мне надо поговорить с вашей воспитанницей наедине, мадам Симона. — Голос Дареаля походил на карканье ворона, который прилетел по мою душу.

— Нет уж, — неожиданно воспротивилась мадам Симона, и я готова была ее расцеловать. — Полина — юная незамужняя девушка. И не в наших правилах оставлять воспитанниц без присмотра. Говорить будете при мне.

— У нас есть высочайшее распоряжение, — нахмурился дознаватель, но директор осталась непреклонна.

— Или так, или никак, — заявила она. — Полли, милая, присядьте.

Я заняла свободное кресло и чинно сложила руки на коле-нях, а мадам Симона замерла за спинкой кресла как дух-хранитель.

— Мы вас слушаем, — сказала она.

Следователи переглянулись и, видимо, что-то для себя ре-шили.

— Хорошо, мы принимаем ваши условия, — сказал Даре-аль. — Мадемуазель Лерьер, кем вам приходится граф Анри Вейран?

Сердце пропустило удар.

— Он — мой жених, — тихо ответила я. — Что с Анри? Он ранен? Погиб...

— Лучше бы он погиб, — зло сказал молодой следователь, а Дареаль взглянул на него неодобрительно.

— Когда вы виделись в последний раз? — вместо ответа спросил он.

— Вы не сказали, что с Анри.

— Вас это не касается, мадемуазель.

— Меня касается все, что касается моего жениха.

— Может, тогда и вину за убийство магистра Таймуса вы с ним разделите пополам?

— Что?

Я замерла. Во рту стало сухо.

— Вы услышали меня правильно, — холодно повторил главный дознаватель. — Ваш жених обвиняется в убийстве магистра Таймуса. Его вина доказана. Наша задача — выяснить, не стоит ли за ним кто-то еще. Поэтому, будьте так добры, мадемуазель, ответьте на вопрос. Когда вы в последний раз виделись с графом Вейраном?

— Вчера.

Я опустила глаза. От мадам Симоны так и веяло неодобрением.

— Мы встретились с ним ночью в саду всего на несколько минут, — решила быть честной до конца. — Говорили о выпускном, о нашей свадьбе.

— Вам ничего не показалось странным?

— Нет, все было как всегда. — Глаза защипало от слез. — Послушайте, Анри не мог этого совершить! Он очень хороший, добрый человек и гордился тем, что служит у магистра Таймуса. Он бы никогда...

— В этом будем разбираться мы, мадемуазель Лерьер, — перебил меня Дареаль. — Вам же советую забыть об этом человеке и порадоваться, что не успели стать его женой, иначе участь ваша была бы незавидна. Скажите, не называл ли граф Вейран каких-либо имен? Не просил передавать писем?

— Нет. Анри мало рассказывал о службе. Мы виделись крайне редко, герцог Дареаль.

Мне хотелось, чтобы наш разговор закончился. Мне нужно было остаться одной, подумать, осознать. В то, что Анри — убийца, я не поверила бы никогда! Он человек кристальной честности. И то, что говорили эти люди, казалось бессмыслицей, чьей-то дурной шуткой.

— И все же вспомните, — настаивал главный дознаватель. — Может, он был за что-то обижен на магистра?

— Нет, он говорил, что магистр Таймус — справедливый человек.

— Тогда почему он его убил?

— Он не убивал.

— Вы не можете этого знать! — Дареаль наседал на меня.

- Могу. Анри — не убийца.
- Вы ошибаетесь.
- Нет.

Наш разговор походил на какую-то плохую пьесу. Я чувствовала себя куклой — оболочка осталась, а мысли и чувства были где-то далеко. Дареаль спрашивал, я односложно отвечала — ничего больше. Только то, что Анри не виноват. Наверное, даже если бы я лично видела, как Анри убил Таймуса, не поверила бы своим глазам и доказывала его невиновность.

— Что вам известно о друзьях жениха? — Дареаль решил зайти с другой стороны.

— У него было не так много друзей, только однокурсники и сослуживцы.

— Имена?

— Я с ними лично незнакома.

— Имена, мадемуазель! — громыхнул Дареаль.

— Герцог Дареаль, — вдруг раздался голос мадам Симоны, — вы выходите за рамки приличия. Попрошу вас немедленно покинуть мой коллеж.

— Эта девчонка перестанет быть вашей воспитанницей уже через неделю, — рыкнул дознаватель, — и тогда мы с ней поговорим иначе.

— Эта девчонка, как вы выразились, наследница одного из древнейших родов Гарандии и никогда — вы слышите, — никогда не опустится до того, чтобы запятнать свою честь!

Герцог Дареаль вылетел из кабинета, даже не поклонившись. Его молодой коллега последовал за ним, обернувшись на прощанье, как бы извиняясь. А я закрыла лицо руками. Слез не было. Я все еще не верила, не понимала. А мадам Симона мягко коснулась моих волос.

— Ну-ну, девочка, — пробормотала она. — В одном этот ворон прав. Хорошо, что ты не успела связать свою судьбу с графом. Дознаватели никогда не выпустят его из своих лап, даже если поймут, что ошиблись.

— Нет, так нельзя. — Я подскочила с кресла. — Надо что-то делать! Анри не мог!

— Ты совсем юная, — вздохнула Симона, — и почти не видела жизни за стенами коллежа. Поверь, Полли, даже самый честный на вид человек может оказаться отъявленным подлецом.

— Только не Анри!

— Я повторю тебе слова Дареаля, дитя. Забудь об Анри Вейране. Вычеркни его из своей жизни. Ты молода, красива, знатна. У тебя все впереди. А с графом пусть разбирается герцог Дареаль.

Я опустила глаза. Спорить не было сил. Хотелось забиться в самый дальний угол коллежа и реветь, пока воздух не кончится в груди. Я пробормотала скупые слова благодарности и бросилась прочь. Дальше, дальше! В сад. Но дверь оказалась заперта. Точно, ограничения... Тогда я забилась под лестницу, туда, где хранились швабры и тряпки, и тихонько заплакала. Боль рвала сердце. Рушилось все, что казалось таким близким и осязаемым. Анри! Как они могли подумать? Не разобравшись, не расставив все по местам! Я была уверена, что он ни при чем. Кто угодно, только не Анри. Я бы скорее поверила в то, что небо упадет на землю, чем в то, что Анри может убить невинного человека. Голова кружилась. Нет, так нельзя! Но я не знала, как ему помочь, как оправдать. Что могла выпускница коллежа против орды дознавателей? Ничего. Поэтому оставалось в отчаянии заламывать руки и плакать.

К вечеру я напоминала призрак самой себя. А еще заметила, что другие девушки, даже мои подруги, сторонятся меня. Что ж, новости распространяются быстро. Откуда мне знать, не подслушивал ли кто-нибудь у кабинета Симоны? А может, удалось получить весточку из внешнего мира? У меня не было сил даже обижаться. Надо раздеться и лечь спать. Чтобы завтра утром... Что? Что мне делать завтра? Послезавтра? Через месяц, год? Моя жизнь в один момент потеряла смысл. Все, к чему я стремилась, рухнуло, поставив под вопрос само мое существование.

Но я убеждала себя, что все разрешится. Раз Анри невинен, его освободят. Ведь освободят же? Решила пойти к себе. Нужно поскорее уснуть, и тогда приблизится миг, когда все встанет на свои места. Только дойти до комнаты я не успела.

— Полина! — окликнула меня мадам Жаннетт. — Пройди, пожалуйста, в кабинет директора.

Снова? Что-то изменилось? К добру или нет? Я поспешила за наставницей. Сердце билось гулко и быстро-быстро, когда во второй раз за день распахнула дверь в кабинет мадам

Симоны. И снова она была там не одна. Напротив нее в кресле сидела моя матушка.

— Полли! — кинулась она ко мне, стоило войти, и стало заметно, что она в ужасе. — Собирайся немедленно, я забираю тебя из коллежа.

— Но почему? — Я смотрела на маму — и не понимала. — А как же диплом? Выпускной?

— Вы уже сдали все экзамены, Полина, ваше обучение завершено, — чопорно сказала Симона. — Поэтому вот ваш диплом.

И на стол лег свиток с тремя печатями — моя цель и мечта, потому что окончание коллежа означало свадьбу с Анри. Но теперь меня ничего не ждет, и появление матери расставило все по местам. Не будет никакой свадьбы. Ничего не будет.

— Благодарю, мадам Симона, — ответила я. — Эти годы дали мне не только знания, но и уроки жизни, я не забуду их.

Раз мне больше здесь не место — что ж, стоит поторопиться. Потому что в стенах коллежа я ограничена, а мать сможет рассказать, что случилось на самом деле. Чтобы Кристина Лерьер — и не знала? Этого не может быть. Матушка была одной из первых леди столицы и знала решительно все. Поэтому я холодно простилась с мадам Симоной — холоднее, чем хотелось бы, но мы все сказали друг другу еще днем. Затем обняла мадам Жаннетт — она всегда хорошо ко мне относилась, хоть и бывала порой излишне строга. Подругам не сказала ни слова, они шарахались от меня, будто от прокаженной. Хотя в их глазах стояли слезы. Что ж, вот и перевернута очередная страница моей жизни. Счастливая страница, в которой у меня было будущее. А сейчас я боялась, потому что не знала, каким будет следующий шаг. Знала только, что как раньше уже не будет.

Подхватила небольшую сумку — платья пришлют потом, а вот книги и безделушки стоило забрать самой. Туда же отправилась самая ценная вещь — шкатулка, подарок Анри. В ней хранилась брошка, когда-то принадлежавшая его бабушке. Анри хотел сделать мне подарок на свадьбу, но не удержался и отдал брошь раньше. Что ж, я сберегу ее, чего бы это ни стоило.

В последний раз взглянула на комнату, где прожила последние годы, на свою опустевшую кровать и решительно на-

правилась к выходу. Матушка ждала меня у экипажа и в нетерпении ходила из стороны в сторону. Вуалетка на шляпке дрожала от ветерка.

— Наконец-то! — заметила она меня. — Надо поторопиться, Полина. Нам еще собираться. Вряд ли мы в скором времени вернемся в столицу.

— Куда мы едем? — спросила тихо.

— В родовое имение. Там можно будет переждать тяжелые времена.

— Мама, я...

— Полли, разговоры потом. Садись в экипаж.

Мне оставалось только послушаться. По крайней мере, от матери я получу ответы, которых мне так не хватает сейчас. И узнаю, почему обвиняют Анри. Тогда уже можно будет решить, как мне быть.

ГЛАВА 3

Я не любила наш столичный дом. Он всегда казался мне излишне помпезным, а после смерти отца из него будто ушла жизнь. Что толку возвращаться домой, когда знаешь, что тебя там не ждут? Я любила свою мать, но наши отношения были всегда с легкой толикой прохладцы. Мы не делились секретами, не обсуждали ничего из того, о чем обычно говорят мать и дочь. Траур по отцу давно минул, у матушки было много ухажеров, она имела вес в обществе. А я училась и дома бывала только на летних каникулах и в период зимних балов. Слишком редко, чтобы отношения потеплели.

С отцом было не так. Демиан Лерьер был одним из сильнейших магов, с ним считались магистры тьмы и света. Но это не мешало ему быть любящим отцом. Увы, у него так и не родился долгожданный сын, была только я — и принесла бы своему мужу еще один титул. Громкий титул, что скрывать. Каким бы сильным магом ни был отец, это не спасло его от наемного убийцы. Кому была выгодна его смерть? Многим. Матушка предпочла не искать истину, а спасти свою жизнь. Меня же отправила в коллеж, подальше от чужих глаз.

Поэтому особой радости от возвращения домой я не испытывала. Матушка заметалась по комнатам, подгоняя прислугу,

а я обессиленно села на диван в гостиной и замерла. Мне надо было поговорить с ней, узнать, что ей известно об аресте Анри.

— Полли, ты здесь, — появилась она в дверях. — Ты бы прилегла, вставать рано.

— Не хочу, — качнула головой. — Матушка, куда мы так торопимся?

Я знала ответ, но хотела услышать от нее.

— Ладно, давай поговорим. — Мама села напротив. Ее красивые светлые волосы растрепались — в детстве я всегда жале-ла, что мне достались темно-русые локоны, как у папы, а сей-час, наоборот, радовалась. Она ломала в руках веер. Этот не-отъемлемый аксессуар любой светской дамы.

— Мама?

Молчание затягивалось.

— Послушай, Полли, — наконец сказала она, — я разорвала твою помолвку с Анри Вейраном.

— Что? — Я даже с дивана подскочила. — Зачем?

— Разве ты не понимаешь? — Мать тоже перешла на повы-шенный тон. — Я знаю, к тебе приходил главный дознаватель. Симона сообщила мне. Полина, я не хочу, чтобы ты отправи-лась за этим юношей в пропасть! Как я могла подумать, что на-следник Вейранов окажется убийцей? Хотя его отец...

— Что — его отец?

— Тоже был на особом счету у тайной службы, — закончи-ла матушка.

— На особом счету? — Вот теперь я ничего не понимала!

— Да, старший Вейран всегда был несколько вольнодумен. Какое-то время ему это прощали, пока он не стал опасен, а за-тем мягко предупредили... Он тогда надолго покинул столицу. Видимо, дурное зерно проросло в старшем сыне.

— Не говори так! — воскликнула я. — Анри не мог убить магистра Таймуса.

— Он сделал это, Полли. Сняты магические слепки. Все го-ворит об одном! И Анри был у тела Таймуса, когда того на-шли, слышишь?

— Это ничего не значит.

— Это значит, что он — убийца, Полли. И ты, как его невест-а, попадаешь под подозрение. Поэтому нам тоже лучше ка-кое-то время здесь не показываться. Все утихнет, успокоится.

Я постараюсь как можно быстрее найти для тебя более достойного супруга.

— Я не выйду замуж за другого! — едва не закричала я.

— Не обсуждается, — отрезала мать. — Хочешь и вовсе остаться старой девой? Тогда лучше сразу вступи в орден пустынниц. Не факт, что на тебе вообще кто-то теперь захочет жениться.

— Я люблю Анри.

— Разлюбишь.

Да что с ними со всеми? Безумие! Хотя я понимала, в чем дело. Мать никогда не любила отца. Это была просто выгодная партия. Как она могла знать, что это такое, когда не можешь жить без любимого? А я не могла жить без Анри! Да, глупо, но это было так.

— Иди спать. — Мать поднялась с дивана.

— И как семья Анри отнеслась к разрыву помолвки? — спросила я.

— Какое мне дело? Они теперь в опале. Думаю, собираются так же быстро, как и мы. У них еще младший сын, надо подумывать о нем.

— Я никуда не поеду.

Решение показалось простым как никогда. Не поеду — и все тут. Я должна быть рядом с Анри. Что бы ни решил суд.

— Поедешь. — Мать, как и мадам Симона, не терпела отказов.

— Нет!

— Послушай, — в ее серых глазах мелькнула тоска и усталость, — если я и тороплю тебя с отъездом, то только для твоего же блага, Полли. Дознаватели уже взяли тебя под прицел. Думаешь, они оставят тебя в покое только потому, что ты — Лерьер? Нет, не оставят. Ты отречешься от своего Анри после первой же пытки!

Пытки? Перед глазами все поплыло, к горлу подкатила тошнота. Нет, нет...

— Иди к себе. Собери то, что действительно нужно, — печально сказала матушка. — Мы уезжаем надолго.

Я поднялась и медленно пошла к лестнице. Какая-то часть меня сейчас умирала. Наверное, та девочка, которая училась в коллеже магических искусств и мечтала выйти замуж за лучшего парня на свете. Ее больше не было, осталась я. Незнако-

мая, непонятная, пустая. В моей комнате привычно горели светильники, повсюду были вещи, знакомые с детства. Кровать под бежевым покрывалом казалась чужой. Чужими были книги, расставленные на полках. Это была комната девочки, но не взрослой девушки. Куклы с вытаращенными глазами, в которых я никогда не играла. Забавные картины на стенах.

Я открыла сумку, что захватила из коллежа. Выложила книги, оставила шкатулку, огляделась по сторонам. В том, что не поеду с матерью, я уже не сомневалась. Взгляд цепко выхватывал детали. Нужно взять пару смен белья, несколько приличных платьев — магия поможет все это вместить. Украшения, заколка, которую когда-то подарил отец, медальон с портретами родителей, деньги — увы, слишком мало, но всегда можно будет продать драгоценности. Я собиралась быстро. Слуги не беспокоили меня, матушка руководила совсем другими сборами. Сумка была готова, но дом стоял на ушах, а потому мне не уйти незамеченной. И я позвала служанку. Она помогла мне раздеться и лечь. Матушка приказала отдохнуть? Что ж, я — послушная дочь. Постепенно шум затих... До рассвета оставалось около часа или чуть больше, когда я поднялась и спешно оделась. Захватила сумку. Теперь главное, чтобы никто не увидел.

Выглянула в коридор. Никого. Можно было применить магию, чтобы скрыть свое присутствие, но на нее среагируют охранные заклинания, а этого я желала меньше всего. Поэтому отказалась от этой идеи, тихонько прокралась к лестнице и быстро спустилась вниз.

Выйти через центральный вход — значит попасться на глаза охране. Охранников у нас было не так много, мы больше полагались на магию, но у входа дежурили всегда. Я свернула к кухне. Здесь было темно и тихо. Немного побродила по узким коридорчикам и оказалась у заветной двери во двор с хозяйственными постройками. Миновала его так стремительно, будто за мной гнались демоны, и добежала до калитки, которой пользовались слуги. Она была заперта. На этот раз выбирать не приходилось — я применила магию и выбежала на улицу. Кинулась прочь, но прежде чем свернула за угол, увидела, как к дому подъезжает несколько черных экипажей. Неужели за мной?

Ускорила шаг, а стоило свернуть — побежала. Быстрее, быстрее! Юбка путалась в ногах. Я подхватила ее, стараясь ускорить шаг. Ну же! Вот только куда идти? У меня не было никого, кто бы спрятал, помог. Нужно скрыться, переждать. Я поплутала еще немного, пока не замерла перед дверями постоянного двора. Вывеска гласила: «Приют путника». Само здание выглядело не особо уютно — серые стены и крыша, чуть запыленные окна. Зато вряд ли кто-то подумает, что наследница Лерьеров решит спрятаться в таком захолустье. Поэтому я набралась смелости и вошла.

Внутри оказалось жарко, даже душно. Я огляделась в смутении — в общем зале было малоллюдно. Трое мужчин сидели за дальним столом и накачивались спиртным. Остальные, видимо, спали — все-таки час был поздний.

— Чем могу помочь, юная леди? — окликнул меня высокий мужчина с объемным брюшком, которого я поначалу не заметила.

— Здравствуйте, — откликнулась я. — Мне нужна комната... на неделю. Может, две.

— Тогда вы пришли по адресу, — широко улыбнулся хозяин. — Можете звать меня дядюшка Дон. Думаю, вам нужна одностая комната?

— Да.

— Это будет стоить два серебряных за день.

— Хорошо.

Сейчас мне было все равно, сколько стоит комната. Хотелось где-то приклонить голову и немного отдохнуть. Поэтому я безропотно пошла следом за хозяином вдоль узкого коридора. Из-за некоторых дверей доносился богатырский храп, за другими было тихо. Наконец мы добрались до предпоследней двери, и дядюшка Дон повернул в замке ключ.

— Прошу, юная леди...

— Мартина, — ответила я. — Мое имя — Мартина.

— Вот и познакомились. Взгляните, в комнате есть кровать, шкаф, стол и стул. Даже зеркало есть старинное. Все, что нужно девушке ваших лет. Уборная за дверью, подогрева воды нет, уж не обессудьте.

Разве подогрев воды — это беда? После ареста Анри я знала, как выглядит настоящая беда. У нее глаза главного дознавателя магистрата, а голос директора Симоны или мамы, кото-

рый твердит: «Забудь». Но я не желала забывать. Поэтому свернулась клубком на чужой кровати, пропахшей сыростью, и дала волю слезам. Слезы лились ручьем, вымывая из сердца боль. Становилось немного легче, но затем горечь снова накатывала волной, и я захлебывалась плачем. К утру, обессилив от горя, я уснула.

Когда проснулась, время перевалило за полдень. Хотелось есть — несмотря на опустошение, организм требовал своего, и я заставила себя подняться с кровати. Зеркало отразило далеко не радужную картину. Возникло ощущение, что на лице остались живыми только глаза. Щеки пылали лихорадочным румянцем, под глазами залегли тени. Заставила себя умыться, а затем вышла в общий зал. Сейчас здесь было куда многолюднее, чем ночью. Люди веселились, смеялись, обсуждали последние новости.

— А, мадемуазель Мартина! — заметил меня хозяин. — Хотите отобедать?

— Да, пожалуй, — ответила я, хоть при мысли о еде только затошнило, а затем заняла место в дальнем углу, чтобы лишний раз не попадаться никому на глаза. Подавальщица, девчонка лет четырнадцати, поставила передо мной тарелку с аппетитным рагу, чай и булочки. Я взялась за вилку. Поначалу не прислушивалась, что говорят за соседними столиками, но знакомое имя привлекло внимание.

— И все-таки гибель Таймуса слишком загадочна, — говорил молодой человек лет двадцати пяти. — Ни за что не поверю, что этот парнишка-гвардеец действовал один.

— А может, не он? — спрашивал его друг.

— Говорят, он. Ну, сам подумай. Таймус — сильнейший маг, а этот парень — вчерашний курсант. Он что, совладал бы с магистром? Да и зачем ему? Нет, Пит, тут нечто другое.

— А мой брат служит в городской тюрьме, — вмешался в разговор третий. — Парень этот не признается ни в чем. Братец сказывал, весь арсенал дознавательский, разрешенный магистратом, на него перевели — ничего. Сегодня главный дознаватель поехал к магистрам тьмы и пустоты за разрешением на использование запрещенных методов.

Вилка выпала из моих рук. Я отодвинула тарелку, кинула хозяину плату за обед и пошла прочь. Ноги дрожали, я почти не понимала, куда иду, но вместо того, чтобы вернуться в ком-

нату, вышла на улицу. Сегодня было ветрено. Ветер тут же растрепал волосы, не защищенные шляпкой. А я все шла и шла. Мне надо было поговорить хоть с кем-то. С кем угодно, кто мог помочь. Пойти к родителям Анри? Посреди белого дня это равнялось бы самоубийству. Раз тайная служба наведалась и в коллеж, и ко мне домой, значит, за их домом следят, и только ночью... Ночью можно было бы попробовать. И я побрела без определенной цели, не глядя по сторонам. Надо же, магистр Таймус погиб — а в столице ничего не изменилось. Будто и не было его. Будто светлая башня не осталась без хозяина. О том, что случилось непоправимое, можно было судить только по разговорам людей. Я прислушивалась к ним в надежде узнать хоть что-то, но слышала только досужие домыслы. Кто-то считал, что Анри виновен. Кто-то — что за ним стоят другие личности. Уверенных в его невиновности не находилось.

Уже ближе к вечеру я свернула в один из скверов, без сил упала на скамью и просидела, пока не стемнело. К дому Вейранов шла очень медленно, постоянно оглядываясь. Надо прокрасться к заднему входу, а затем попросить слуг проводить меня к хозяевам. Хотелось верить, что они не откажутся меня принять после того, как матушка разорвала помолвку.

Когда осталась только пара поворотов, напустила на себя морок — элементарное заклинание, которое по зубам любому сыщику, но от простых людей защитит. Я стала прогуливаться вдоль забора, приглядываясь к каждому встречному. В окнах горел свет — значит, хозяева дома, а не убежали в панике из столицы, как собиралась моя мать.

Наконец я заметила почти скрытую зелень калитку. В последний раз огляделась по сторонам — и дернула на себя. Ожидаемо закрыто. Привычное заклинание на замок... и меня тут же втащили внутрь два дюжих молодца.

— Кто? Что надо? — рявкнули в лицо.

— Я — Полина Лерьер, — пробормотала в испуге, — невеста Анри Вейрана.

— Мадемуазель Лерьер? — Старший из охранников отпустил мой локоть. — Но что вы здесь делаете?

— Хочу поговорить с графом Вейраном и его супругой, — ответила я. — Если вы не верите, кто я, они подтвердят.

— Что ж... — Кажется, мне удалось поколебать решимость охраны. — Идите за нами, мадемуазель Лерьер.

Мы миновали узкую дорожку, ведущую к дому, попетляли по коридорам. В отличие от моего дома здесь царило оживление совсем иного рода. Все в особняке Вейранов будто готовилось к войне.

— Что происходит? — спросила у охранника.

— Нам угрожают, — ответил тот. — Требуют, чтобы мы немедленно покинули столицу, иначе ответим за грехи месье Анри. Только не на тех напали!

— Зубы обломают, — фыркнул второй парень. — Сюда, мадемуазель. И подождите минуту, я о вас доложу.

Я очутилась в уютной гостиной, залитой искусственным светом. В воздухе витал запах мяты, окна наглухо закрывали тяжелые шторы. Я присела на край софы, но почти сразу же поднялась на ноги — в дверях появилась мать Анри, графиня Анжела Вейран. Она была чуть старше моей мамы, но при этом ее отличало настоящее величие, которое не знало возраста. Именно такой графиня Анжела и врезалась в мою память — с горделиво расправленными плечами, идеальной осанкой и колкой полуулыбкой на губах. Сильная женщина, которая знала, чего хотела от жизни, и не собиралась склоняться перед трудностями.

— Вы? — Она взглянула на меня свысока. — Мне казалось, мы с вашей матушкой выяснили все, мадемуазель Лерьер, и нам больше не о чем разговаривать.

— Я знаю, что матушка разорвала помолвку, — тихо ответила я, отступая перед великой силой этой женщины. — Но я не давала на это своего согласия. Я люблю Анри и по-прежнему желаю стать его супругой.

Взгляд графини немного потеплел, она будто сняла маску, и стала заметна неизбывная усталость. Сколько бессонных часов она провела? Вряд ли меньше меня. Ее старший сын мог в любой момент проститься с жизнью. Анжела знала об этом — и все равно держала себя в руках так, что никто не видел ее боли.

— Я рада это слышать, — ответила она. — Анри всегда говорил, что ты — лучшая из всех, кого он знает. Мне казалось, что это блажь влюбленного мальчишки, но, видимо, я ошиблась. Зачем ты пришла, Полли? Не хотелось бы, чтобы тебя здесь видели.

— Ко мне уже приходили дознаватели. Думаю, они хотят и меня арестовать. Но я сбежала. А к вам пришла потому, что мне никто ничего не говорит! Я не знаю, что с Анри. Не знаю, что там произошло. Я с ума сойду!

Непрошенные слезы обожгли глаза. Я постаралась незаметно смахнуть их, но Анжела конечно же все заметила.

— Тише, тише, девочка. — Она обняла меня за плечи и усадила обратно на софу. — Мы тоже ничего не знаем. Может, нам известно чуть больше, только толку от этого нет.

— Ну хоть что-то! — взмолилась я.

— Хорошо, я постараюсь... — Анжела сжала в кулачке белый кружевной платочек. — В тот день Анри ушел на службу как обычно. Должен был вернуться ближе к вечеру. Мы попрощались — я тоже проснулась рано, как знала.

Графиня замолчала. Минуту или две она сидела неподвижно, а я не решалась заговорить.

— А потом уже после полудня... — Наконец она собралась с мыслями. — Зазвонил колокол. Я тут же поняла, что с Анри что-то случилось. Конечно, не думала, что такое... Ведь Таймус не жаловался на здоровье. Мой супруг тут же поехал на место происшествия. Там, сама понимаешь, все было оцеплено, но у нас много друзей в магистрате. Анри уже там не было, а Виктору сказали, что сын — убийца. Готова поклясться, Полли, прошло не более получаса. Как можно за полчаса выяснить все доподлинно, если в кабинете были только Таймус и Анри?

— Видимо, поэтому все так и решили, — тихо сказала я. — Раз посторонних не было.

— Полли, это могло быть что угодно. Заклинание или сущность, или кто-то сумел-таки выбраться незамеченным. Мы столько всего передумали! Сейчас Виктор опять разговаривает с бывшими коллегами. Он ведь тоже долгое время служил в отделе дознания.

— Да? Я не знала, — качнула головой. — Думала, что он — военный, как и Анри.

— Нет, но одно время Вик работал в тайной службе. Так вот... За эту пару дней мы подняли всех, кого могли. Но мне кажется, милая, что кому-то очень надо избавиться от Анри. К сыну никого не пускают, даже защитников. Никого! Я даже не знаю, жив ли он...

И Анжела прижала платочек к глазам.

— Жив, — уверенно ответила я. — Он нужен им для суда.

Графиня склонила голову. В эту самую минуту распахнулась дверь в гостиную, и в комнату ворвался отец Анри. Увидел меня — и замер с таким выражением на лице, будто перед ним была змея, а не человек.

— Вы? — спросил холодно. — Чему обязаны?

— Успокойся, Виктор. — Анжела поднялась мужу навстречу и взяла его за руки. — Полли пришла сказать, что мадам Лерьер отменила помолвку без ее ведома. Она, как и мы, не сомневается в невинности Анри.

Похоже, Виктор не поверил, но внимание на меня обращать перестал.

— Я говорил с Карьеном, — отрывисто сказал он. — Тем служащим из отдела дознания, помнишь? Иногда такие бумажные крысы знают больше, чем иные высокопоставленные личности.

— И что? — В глазах Анжелы читалась надежда.

— Ничего хорошего. Такое чувство, что в отделе дознания прекрасно знают, что Анри невиновен, но им нужно назначить кого-то виновным, а он подходит лучше других.

— Но почему никто ничего не делает? — воскликнула Анжела в отчаянии.

— Потому что после убийства Таймуса в столице сложилась неспокойная обстановка. Магистр мертв. Надо дать людям виновного в его смерти, а не расписываться в своей беспомощности. Я не знаю, что с этим делать, Анжела. Карьен настоятельно советовал уехать.

— И отречься от сына? Ни за что!

— Я тоже так ответил, — вздохнул Виктор. — Но хотел бы, чтобы вы с Филиппом действительно на время...

— Нет!

Виктор не стал спорить — было совершенно ясно, что графиня не отступит. Я тоже в этом ничуть не сомневалась.

— Что ж, пусть так, пусть так, — повторил он.

Вдруг за окнами раздался шум.

— Что это? — обернулась Анжела.

Я первой подбежала к окну, отодвинула тяжелую портьеру и увидела огни. Множество огней, которые стекались к особняку с окрестных улиц.

— Родители убийцы! — слышались разрозненные крики. — Горите в вечном пламени!

— Палачи! Не простим!

— Что они делают? — прошептала я. — Это ведь безумие.

— Покайтесь! — кричал кто-то. — Признайте, что ваш сын — чудовище.

— Отвечать должны все!

— Тебе надо уходить. — Вся растерянность Анжелы мигом исчезла, и она схватила меня за руку. — Прислуга выведет тебя через тот же ход, которым ты вошла.

— Анжи, тебе стоит уйти с Полиной, — нахмурился Виктор, словно решая что-то.

— Без тебя? — Передо мной снова была не сломленная горем женщина, а гордая графиня. — Ни за что! Я давала тебе брачный обет и не нарушу его.

— Тогда поспешим. Полли не должны застать здесь. Это наша битва.

Первые камни полетели в окна, но охранные заклинания отбили их, и мы слышали только глухой стук.

— Полли, — Анжела сжала мои руки, — я верю, ты любишь нашего сына. Послушай, если вдруг ты увидишь его раньше нас, скажи, что мы очень сильно его любим, гордимся им и ни за что не поверим в его вину!

— Скажу, — пообещала я. — А если вы встретитесь с ним раньше, передайте то же самое!

— Жерар! — громко позвала Анжела, и в комнате появился один из моих недавних провожатых. — Выведи девочку и проводи до... Где ты остановилась?

— На постоялом дворе, — ответила я.

— До постоялого двора. Филипп еще не вернулся... Хотя это, наверное, и к лучшему. Если увидишь его — уведи.

— Слушаюсь, госпожа, — склонил голову Жерар. — Следуйте за мной, — повернулся ко мне он.

Я не сдержалась и обняла мадам Анжелу. Кивнула ее супругу и побежала за Жераром. Ступеньки лестницы словно пролетали под моими ногами, а когда мы выбежали на улицу, в воздухе плыл запах гари.

— Сюда скорее, — скомандовал Жерар. — Надо поторопиться, мадемуазель, чтобы изнутри усилили охранные заклинания.

Я бежала со всех ног. Мы выскочили за калитку — и вспыхнули щиты, ограждая дом от обезумевшей толпы. Я почувствовала, как меня окутывает заклинание отвода глаз — это постарался Жерар, чтобы никто не заметил, откуда мы появились.

— Быстрее, — торопил он меня. — Сюда, мадемуазель. Скорее же.

Но дальше было не пройти. Дорогу нам перекрыли трое.

— Эй, куда собрались? — гаркнул один.

— А это не слуга ли из дома Вейранов? — узнал Жерара второй. — Ты-то нам и нужен, голубчик!

— Бегите, — шепнул мне Жерар и атаковал их.

Я свернула в ближайший проулок. Надо было остаться! Надо было... Но что я могу? Я ведь не боевой маг, девушек этому не учат. Буду только путаться под ногами. Нет, надо привести помощь. Обратиться в ближайший участок службы порядка. Родители Анри не виноваты в том, что его арестовали. Они — уважаемые люди. Стоит поспешить, иначе их дом разнесут по кирпичику! И я ускорила шаг, все еще надеясь помочь семье человека, которого любила.

ГЛАВА 4

Наверное, это безумно глупо — искать участок службы порядка, когда меня саму ищут дознаватели. Но в ту минуту я не понимала, что делаю. Только хотела помочь родителям Анри, поэтому металась по запутанным улочкам, заполненным людьми. Кто-то нес факелы, кто-то тащил камни. Город будто обезумел, и посреди этого безумия я все искала знакомый знак. Наконец впереди появилась желанная табличка с кругом, перекрещенным двумя мечами. Сюда! Я забарабанила в дверь с такой силой, что заболела рука.

— Кого там принесло на ночь глядя? — раздался голос изнутри, и щелкнул, открываясь, засов. — Что надо?

Я уставилась на грузного мужчину в поношенной форме. Он же смотрел на меня как на муху, которая вдруг решила помешать его ужину.

— Помогите! — воскликнула я. — Там толпа, они хотят вернуться в дом...

— Чей дом, девочка? — Взгляд стражника тут же стал пристальным, настороженным.

— Графов Вейранов.

— А! — И мужчина тут же утратил ко мне интерес. — Вмешиваться не велено. И тебе не советую, если не хочешь провести несколько дней за решеткой. Ступай.

И дверь закрылась. Я в отчаянии ударила по ней ногой. Засов снова заскрипел — и я бросилась бежать. Туда — обратно, к дому Анри. Вот только прорваться я уже не смогла. Вспыхивали щиты, отражая атаку за атакой, — на это указывали отблески за крышами домов, а на улице бушевала толпа. За границами толпы притаились два черных экипажа. Тайная служба наблюдала издали, не вмешиваясь. Я тут же остановилась, а затем повернула направо, в то время как «демоны», как называли за глаза мужчин из тайной службы, остались слева. Попыталась вклиниться в толпу — не тут-то было! Какой-то дядька в колпаке набекрень грубо оттолкнул меня:

— Куда прешь?

Обошла его — и снова потерпела неудачу. Я осознавала, насколько глупыми были эти попытки. Граф Вейран — сильный маг, он справится, а я буду только мешаться под ногами. Но и оставаться в стороне не могла, поэтому предприняла третью попытку прорваться к дому. На этот раз мне повезло чуть больше — я даже добралась до соседней улицы, чтобы увидеть кольцо огня вокруг дома и безумные лица людей, полные гнева и ярости.

— Уничтожить!

— Истребить, как крыс!

— Не уйдут! — слышалось со всех сторон. И вдруг я заметила знакомое лицо. Филипп Вейран! Младший брат Анри. Он тоже пытался прорваться к дому, орудовал кулаками, ногами, но его раз за разом выносило обратно, будто волной, а при последней попытке и вовсе кто-то наотмашь ударил Филиппа по лицу. Взметнулась магия. Толпа оживилась — среди нее тоже хватало магов, и я поняла, что мальчишку просто разорвут на части!

— Филипп! — кинулась к нему, схватила за рукав камзола.

— Полина? — Он вытаращил глаза, будто я ему приснилась.

— Идем.

Я увлекла его в сторону, в какую-то нишу, не представлявшую интерес для толпы.

— Пусти! — вырвался он. Отчаянный, растрепанный, с кровавой ссадиной на лбу и наливающимся синяком на скуле. — Мне надо домой.

— Нельзя, не сейчас. Они растерзают тебя. Твои родители внутри, а ты-то снаружи!

— Но я...

— Тихо. — Я заметила, что к нам подозрительно прислушивается женщина в переднике. — Идем отсюда.

Я схватила Филиппа под локоть и потащила прочь. Он не упирался — понял, что права. Мы шли, пока толпа не осталась позади, и только тогда я замедлила шаг.

— Что происходит? — почти шепотом спросил Филипп. Он был в ужасе, я видела это. Но что мог сделать мальчик, которому едва минуло шестнадцать, против разъяренной толпы? Так же мало, как и я. Он тоже это понимал, вот только смириться не мог. И если бы не я, он бы ни за что не ушел.

— Я была у тебя дома, когда они начали собираться, — шептала торопливо. — Не знаю, чего они хотят, но тебе лучше пока пойти со мной. Вернемся утром. Рано или поздно они утихомятятся, а на особняке хорошая защита. Если ты попытаешься прорваться внутрь, родителям придется выйти тебе навстречу.

— Ты права. — Филипп опустил голову. — Но служба порядка...

— Я была там. Мне отказали. Можем обратиться в главное управление, только стражник сказал мне, что приказано не вмешиваться. Значит, у них такой же приказ.

Филипп в раздумье запустил в темные волосы испачканную пятерню, остановился. И, признавая мою правоту, пошел следом, а я свернула к постоялому двору. Толпе не прорваться в особняк. Говорила себе это снова и снова. А если и прорвутся, что они могут против наследников древнего магического рода? И все-таки я не понимала! Разве виноваты родители Анри, что его обвиняют в преступлении?

— Знаешь, Полина, — снова заговорил Филипп, — мне показалось, что кто-то специально натравил толпу на наш дом. Зачем людям его громить? Да, магистра Таймуса все любили, и что с того? При чем здесь мама и папа?

Я молчала. Что мне ему сказать? Что сказать юноше, который знает, что над его близкими нависла беда, и ничего не может сделать? Только крепче сжала его локоть, чтобы никуда не делся. Так мы и шли до самого постоянного двора. Тихонько нырнули внутрь, чтобы оказаться за спасительными стенами, и торопливо прошли в мою комнату.

— Входи, — пропустила я Филиппа.

Мы оба забыли о манерах, обращаясь друг к другу на «ты», хотя до этого виделись только на помолвке. Фил зашел, оглянулся по сторонам, обернулся ко мне:

— Почему ты здесь живешь?

— Сбежала из дома, — ответила, присаживаясь на стул. — Мать хотела, чтобы я уехала из столицы, но не могу. А когда уходила из дома, видела, как у ворот остановился экипаж дознавателей.

— Они считают, что вы с Анри заодно?

— Они предполагают, что это могло быть так.

Филипп ударил рукой по стене. Его глаза, зеленые, как и у брата, зло блестели от слез.

— Я не понимаю! Не понимаю, Полина. Анри ведь не мог. Почему все твердят одно? При этом настоящий убийца разгуливает на свободе, а его даже никто не ищет. Хотят предоставить народу наиболее вероятного преступника?

— Видимо, так.

— Твари!

И Фил рухнул на стул, закрывая лицо руками. Я протянула руку, погладила его по плечу, но он отшатнулся. Ему не нужна была моя жалость.

— Где ты был допоздна? — решила, что тему лучше сменить. Вот только ответ поставил меня в тупик.

— Пытался пробраться в светлую башню. Почти получилось, заметили в последний момент, еле ноги унес.

Заметили в последний момент? Покосилась на Филиппа уже совсем другим взглядом.

— Это безрассудно.

— А что ты предлагаешь? — фыркнул он. — Ждать? Пока Анри казнят? Просто потому, что так надо?

— Если бы тебя поймали, ему было бы еще хуже. Сказали бы, что ты решил замести следы.

— Два дня спустя?

— А им-то какая разница?

Филипп опустил голову, признавая мою правоту. Так мы и сидели какое-то время, не глядя друг на друга. Время перевалило за полночь. Глаза слипались.

— Может, ляжем спать? — спросила я.

Фил так посмотрел, что вопрос показался мне неуместным. Сама, не раздеваясь, забралась под покрывало и закрыла глаза, на всякий случай оставив ему часть спального места. Не прошло и четверти часа, как кровать скрипнула. Филипп все-таки лег. Вот только уснуть не мог — вскоре я услышала тихий всхлип. Еще и еще один. Развернуться — сбежит. Я все-таки ему чужая. А лежать и слушать — разрывается сердце. Я не выдержала, повернулась, чуть не уткнувшись носом в пушистый затылок. Погладила по спине и затихла — пусть знает, что я рядом.

— Спасибо, — донесся тихий ответ. — Спасибо, что не веришь.

Я вздохнула, посомневалась мгновение — и обняла мальчишку. Так и уснула, а когда проснулась, за окном едва рассвело. Постоялый двор тонул в тишине, которая казалась зловещей. Полежала немного, не желая будить Филиппа. Вот только разве он спал? Стоило пошевелиться, как тот обернулся:

— Ты проснулась? Может, пойдем уже?

Да, его мысли были не здесь — и мои тоже. Поэтому собиралась я быстро — поправила платье, переплела волосы, накинула тонкий плащ с капюшоном. Утром бывает прохладно, и он не вызовет вопросов, а капюшон пригодится. Фил и вовсе только причесался. Он казался таким бледным! И вчера мы были настолько измотанными, что даже не обработали его раны. Сейчас он еле оттер кровь со лба, я заклинанием убрала синяк и ссадину с его лица.

— Идем! — взмолился Филипп.

— Хорошо, хорошо.

Снаружи было свежо и пусто. Будто толпа, набушевавшая за ночь, улеглась подобно шторму на море. За всю дорогу до богатых кварталов мы встретили всего пару человек. Улицы словно вымерли, и было не по себе.

— Знаешь, у меня такое чувство, что вчера нам все приснилось, — не выдержал гнетущего молчания Филипп.

— У меня тоже, и уже не первый день, — ответила я. — Все время кажется, что я проснусь и все будет, как прежде. Но не будет.

Фил задумчиво кивнул. А я впервые обратила внимание, как не похожи они с Анри. Анри был светлым, открытым человеком. Рядом с ним было тепло и уютно. Он часто смеялся и улыбался. Фил был совсем другим. Я, конечно, понимала, что мы встретились не при наилучших обстоятельствах, но, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте, Фил по характеру казался одногодком Анри. Сосредоточенный, хмурый, упрямый. Я рядом с ним чувствовала себя не взрослой, а ребенком под строгим присмотром старшего брата.

— Не лети, — перехватила его за локоть. — Надо соблюдать осторожность.

Фил только дернул плечом — и снова помчался вперед. Поэтому и получилось, что на площадь, которая находилась за две улицы до их дома, он вырвался раньше меня на пару биений сердца. И еще не видя, что там, я поняла — нечто страшное. Потому что с мгновение назад живого лица сразу схлынули краски жизни. Филипп замер, судорожно хватая ртом воздух. Я выбежала за ним — и едва сдержала крик.

Площадь была пуста. Только в центре маячила импровизированная виселица. Кто сколотил ее так быстро, я не знала. Материалом послужили обуглившиеся доски, которые скрипели от малейшего ветерка. А на ней... Хотела бы я не видеть и не знать, потому что родителей Филиппа можно было узнать только по грязной одежде. Я видела вчера это платье на графине Вейран, и костюм графа тоже казался знакомым. А на лицах и телах не было живого места. Сплошная рана, будто налетел ураган — и изломал, швыряя на камни. К горлу подкатила тошнота. Я закусил губу, слепо шаря руками, чтобы найти хоть какую-то опору.

И только в эту минуту с губ Филиппа сорвался рык. Даже не рык — рев раненого зверя. Я схватила его в охапку, прижала к себе, не давая развернуться.

— Не смотри, — шептала, удерживая. — Не смотри.

Он дышал тяжело, глухо. Но больше не пытался обернуться, а у меня выбора не было. Я не верила! До конца не верила, что кто-то мог совершить подобное. На виселице было выведено углем: «Смерть тем, кто породил убийцу». «Как? Как так

можно? Как?» — спрашивала себя снова и снова. Только вчера я говорила с графиней Анжелой. Только вчера ее супруг приказывал Жерару проводить меня, чтобы толпа не отыгралась за то, что вышла из их дома.

— Идем, — осторожно увлекла за собой Филиппа, — идем, Фил.

— Я хочу домой, — просипел он.

— Да, хорошо, только идем.

Мы свернули на ближайшую улочку. Я все еще держала Филиппа так крепко, как только могла, но теперь потому, что его шатало из стороны в сторону, и я боялась, что он упадет.

— Я не понимаю... — шептал он. — Я не понимаю, Полли. Я не верю!

Дернулся назад, но я перехватила и повела дальше. Мы дошли быстро, но приближаться было опасно, поэтому вместо того, чтобы направиться прямо к дому, я осторожно выглянула из проулка.

У дома по-прежнему дежурили черные экипажи. Ждали? Нас, нас ждали! Особняк вопреки ожиданиям был почти цел, но ни окон, ни дверей не осталось. Пространство вокруг него было черным, выжженным. Там, где вчера были сад и цветник, лежал пепел. Стены тоже чернели, будто на них обрушилась стена огня.

— Убью! — Фил кинулся к экипажам.

Я едва успела его схватить за пояс и почти зашвырнуть обратно в проулочек.

— Нет, нет, пожалуйста, нет, — шептала ему. — Они и тебя убьют.

— И пусть! Пусть! Зачем мне жить, если... Зачем?

И он рухнул на колени, закрывая лицо руками. Я опустилась рядом с ним, что-то шептала на ухо, какой-то бред, который призван был его успокоить, но на самом деле не имел смысла. Осторожно помогла подняться на ноги и потащила прочь. Фил уже не упирался. Он шел как во сне. Слезы катились по щекам, но, казалось, он их не замечал.

— Тихе, тихе, — шептала я. — Уже недалеко.

Постоялый двор начинал пробуждаться. Ржали лошади, переговаривались конюхи, но в общем зале было всего четверо постояльцев и хозяин Дон.

— Вы рано гуляете, Мартина, — улынулся он мне.

— Встречала брата, он только что приехал, — загородила спиной Филиппа. — За комнату придется доплатить?

— Да, еще по серебрушке за день.

— Хорошо, я доплачу.

— А завтрак? Будете?

— Нет, позднее.

И увлекла Филиппа в коридор. У него на лице было будто написано все, что случилось, а хозяин мог нас выдать первому же патрулю. Поэтому успокоилась, только когда за нами захлопнулась дверь комнаты.

— Вот и все, — выпустила его из железной хватки, а сама заперла дверь на щеколду. Филипп слепо зашарил рукой перед собой, добрался до кровати и лег, отвернувшись лицом к стене. Он больше не плакал, но тем было страшнее. Глухое, мертвое молчание воцарилось в комнате. Я забилась в дальний угол, бесшумно рыдая. Слезы все катились и катились. Почему? За что? За что с ними так? Надо было убедить Вейранов уйти со мной, надо было... Хотя бы графиню Анжелу...

— Я убью их.

Вздрогнула от звука чужого голоса, в котором с трудом угадывались нотки Филадельфии.

— Кого? — пересела на кровать.

— Тех, кто убил родителей. Тех, кто подставил Анри. Найду и убью.

Фил говорил спокойно, и от этого было только страшнее, потому что это не были обещания, рожденные в момент душевной слабости, нет. Это была клятва.

— Прости, что приходится возиться со мной. — Фил поднялся и сел рядом. Он стал казаться еще старше, и мне было не по себе.

— Не извиняйся, я...

— Сейчас надо добиться, чтобы Анри оправдали. Ты мне можешь?

— Конечно.

— Спасибо.

И снова лег лицом к стене. Я не стала его трогать. Только пристроилась на своей половине и смежила веки, стараясь избавиться от стоящей перед глазами пустынной площади с виселицей на ней. Я сделаю все, чтобы Анри оправдали. Но как потом ему рассказать, что случилось с его семьей?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	115
<i>Этилог</i>	310